

ЗАРОЖДЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

М. В. Горский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: обосновывается точка зрения о том, что в России еще в первой половине XIX в. (в отличие от традиционного мнения о том, что криминалистика зародилась на рубеже XIX–XX вв.) проводились научные исследования, имеющие значение для процесса расследования преступлений. Дана криминалистическая оценка исследованиям в области медицины, химии, фармакологии и других естественных наук. Доказывается, что еще 200 лет назад высказывалось мнение о необходимости рассматривать судебную химию и судебную медицину как составную часть уголовного права (криминалистики).

Ключевые слова: история криминалистики, судебная медицина, судебная химия, специальные знания, судебная экспертиза.

Abstract: in article substantiates the viewpoint that in Russia in the first half of the XIX century (in contrast to the traditional view that forensic science originated in the XIX-XX centuries) carried out researches relevant to the investigation of crimes. The article describes a forensic evaluation of research in medicine, chemistry, pharmacology and other natural Sciences. It is proved that 200 years ago the opinion was expressed about the need to consider forensic chemistry and forensic medicine as an integral part of criminal law (criminalistics).

Key words: history of criminalistics, forensic medicine, forensic chemistry, special knowledge, judicial expertise.

Традиционно моментом зарождения криминалистики в качестве самостоятельной науки считается конец XIX – начало XX в. Связывается это, прежде всего, с появлением практических руководств по расследованию преступлений, содержащих не только комментарии законодательства, но и научные комплексы из разных отраслей специальных знаний. Данное направление научных исследований получает название «криминалистика» (термин, появившийся в работах Ганса Гросса) или «научная полиция». Объясняя появление последнего Р. С. Белкин указывает, что «антропометрия, дактилоскопия, словесный портрет, сигналетическая и метрическая фотосъемка, альбомы фотографий разыскиваемых преступников и изучение способов совершения и сокрытия преступлений – всё это и многое подобное «работало» в первую очередь на нужды полиции и уже потом на предварительное следствие. Поэтому первым названием нарождающейся науки было «полицейская техника» или «научная полиция», причем это название в некоторых странах бытует до сих пор, его не смог вытеснить из обихода термин «криминалистика»¹. Это связано также с появлением в различных западноевропейских высших учебных за-

¹ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 9–10.

ведениях специальных учебных дисциплин. Так, профессор Лазаннского университета (Швейцария) Рудольф Арчибальд Рейсс в 1902 г. вводит университетский курс «Судебная фотография», а в 1908 г. в университете создается институт «полицейских наук» (Institut de police scientifique), в связи с чем в Лазанском университете начинают выдавать профильные дипломы «Diplome de police scientifique»².

Во многих известных работах по истории отечественной криминалистики дается не совсем полная оценка дореволюционному периоду ее развития. Например, А. В. Дулов и И. Ф. Крылов, говоря о появлении в 1797 г. в рамках первых судебно-медицинских учреждений (Врачебных управах) должности фармацевта, в обязанности которого входило проведение судебно-химических экспертиз, отмечали, что «никакой технической базы в виде хотя бы самой примитивной лаборатории при Врачебных управах не было. На должности фармацевтов там состояли те же содержатели аптек... Судебные органы не проводили различий между аптекарским делом и практической химией. Такой взгляд был распространен до конца XIX века»³.

Р. С. Белкин отмечал, что на Западе «возник своеобразный социальный заказ общества и государства науке: вооружить сыщика и следователя таким оружием их ремесла, которое позволило бы укротить этот поистине «девятый вал» преступности.

Ответом на этот социальный заказ стали антропометрия, словесный портрет, сигналетическая и метрическая фотосъемки Бертильона во Франции, дактилоскопия Гершеля, Фолдса, Гальтона, Генри и многих других ее «отцов-основателей», фундаментальные исследования и труды Ганса Гросса, Рудольфа Арчибальда Рейсса, Эдмона Локара и десятков других подвижников зарождающейся криминалистической науки. Едва ли, разумеется, в глазах русских ученых-юристов того времени все эти и подобные новации расценивались как возникновение самостоятельной области научного знания, отличной от уголовно-процессуальной науки, что вызывало у их преемников сомнения и в более поздние времена, о чем речь еще впереди. Но во всяком случае с появлением на Западе работ, явно отличающихся по своему содержанию от традиционных руководств по процессуальным процедурам, отпала необходимость приводить в последних криминалистические рекомендации⁴. Далее Р. С. Белкин отмечает, что начиная с 90-х гг. XIX в. во множестве периодических изданий появляются статьи зарубежных криминалистов. «Это, разумеется, способствовало распространению криминалистических знаний среди судебных следователей, чинов судебного ведомства, жандармерии и полиции, но отнюдь не означало, что и в России появилась самостоятельная новая область научных знаний, как бы ее ни называли на Западе.

---

² См.: Энциклопедия криминалистики в лицах / под ред. В. Ю. Шепитько. Харьков, 2014. С. 284–286.

³ Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. Экспертиза документов. М., 1960. С. 14–15.

⁴ См.: Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. С. 8–9.

Комментируя статьи, популяризирующие достижения зарубежных ученых, российские авторы ограничивались обычно описанием случаев из отечественной практики, где были успешно применены эти достижения. Если же затрагивались теоретические аспекты, то комментаторы чаще всего ограничивались изложением позиции признанных авторитетов, не высказывая своего к ним отношения»⁵.

По нашему мнению, дело обстояло несколько иначе. В России с начала XIX в. вопросам применения естественно-научных знаний для целей расследования преступлений уделялось большое внимание. Особенно это касалось развития трех направлений:

- собственно научных исследований, применяемых для расследования преступлений;
- необходимой научно-технической базы, используемой для производства специальных исследований;
- подготовки специалистов в вузах (как экспертов, так и юристов-практиков).

Остановимся на каждом из этих направлений подробнее.

1. XIX в. был ознаменован развитием различных отраслей науки. С приходом к власти Александра I в России открываются новые университеты, научные центры. Нередко именно практическая необходимость применения новых достижений естественных наук, в том числе и в сфере расследования преступлений, приводило к новым открытиям⁶.

Одним из важнейших направлений криминалистических знаний в XVIII–XIX вв. были исследования в области судебной медицины и судебной химии. Еще в Воинском уставе 1716 г. предусматривалась возможность проведения вскрытий для установления причин смерти, в том числе исследования на предмет отравления. Учение об отравлениях выделяется в отдельный раздел судебной медицины (или, как ее иногда называли, медицинской полиции). Впоследствии появились отдельные отрасли: судебная химия, полицейская химия и судебная токсикология. Так, в 1818 г. в Санкт-Петербургской медицинской академии была издана книга доктора медицины и хирургии, профессора Кенигсбергского университета Вильгельма Германа Георга Ремера «Полицейская и судебная химия» (перевод выполнил С. Гаевский)⁷. Определяя судебную химию как отдельное учение Ремер дает следующее понятие: «...судебная химия есть часть судебной врачебной науки, изъясняющая химические признаки некоторых тел, находимых при судебных исследованиях»⁸. Большой

⁵ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. С. 10–11.

⁶ Подробнее об этом см.: Горский М. В. Криминалистические знания в России XIX века : исторические штрихи // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). М., 2018. С. 219.

⁷ Один из экземпляров данной книги находится в Отделе редких книг Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

⁸ Ремер Вильгельм. Полицейская и судебная химия / пер. С. Гаевского. СПб., 1818. Ч. 2 : Судебная химия. С. 1.

частью предметами исследования данного учения являются яды, однако могут быть и какие-либо другие предметы.

Поскольку химия как наука к концу XVIII в. значительно расширилась и приобрела совершенно новый вид, практикующему врачу стало сложно разобраться в специальных вопросах судебной химии. Ремер указывает, что в академиях и университетах в то время для врачей преподавался только краткий курс химии⁹. С целью облегчить задачу практикам, чтобы не приходилось им «рыться в сочинениях, в коих, как не имеющих сей одной цели, не легко бывает находить нужное объяснение»¹⁰, Ремер и составил свое учение о судебной химии.

Во втором издании Ремер добавил главу о химическом распознавании поддельных монет и письменных документов, более подробно написано учение о ядах.

Примечательно, что автор, рассуждая о предмете судебной медицины, говорит о ее зависимости от *полицейской науки* (отметим, что в настоящее время доминирует позиция о том, что, наоборот, криминалистика (полицейская наука) возникла на базе естественных наук). «Судебную врачебную науку старались привести в систематический порядок, дабы составить из оной одно целое. Свойство сей науки не позволяет следовать в оной строгому систематическому порядку. Она составлена из отрывков, кои хотя и соединены общею связью и составляют потому одно целое, но связь оных взята из посторонних наук, а именно из Полицейской науки и Юриспруденции. Предметы Судебной Медицины только потому между собою имеют отношение, что они употребляются в упомянутых двух науках»¹¹.

Содержание судебной химии составляет полное и систематическое изложение всех средств, которые химия предоставляет уголовному праву. Ремер отмечает, что в самом обширном смысле судебная медицина может называться частью уголовного права (*Jus criminale*).

Иными словами, автор дает понять, что научные положения и методы разных отраслей общей химии не имеют между собой ничего общего. И когда эти совершенно разные методы начинают применяться для целей расследования преступлений, они и объединяются в одну науку – судебную химию. То есть единственным, что их объединяет, является криминалистика. Отсюда Ремер и делает вывод о том, что судебная химия и судебная медицина должны быть составными частями уголовного права (т. е. криминалистики).

Ремер указывает, что данная книга предназначена не только для химиков, физиологов, врачей, но и для *полицейского и уголовного судьи*. В ней сделаны различные «предположения для полицейских распоряжений», даются определенные советы, рекомендации и предложения: «в некоторых местах, сделал я скромные предложения, могущие содействовать к прекращению существующих еще беспорядков и надеюсь, что

---

⁹ См.: Там же. С. 6–7.

¹⁰ Там же. С. 9–10.

¹¹ Там же. С. 2–3.

предложения мои не будут считаемы для выполнения невозможными»¹². Автор указывает, что его главная задача заключается не в том, чтобы предложить что-то новое, а собрать воедино уже известное из разных сочинений, расположить все по правильному плану, предложить в полной связи, что и получило название *учение судебной химии*. «Надеюсь я, что сочинение сие всякому, обязанному рассматривать судебные случаи сего рода, будет не малым в трудах его пособием. В трудных пунктах найдет он в нем и совет, и наставление, каким образом открыть истину, доказать погрешности, исправить сомнения и поверить прежние мнения»¹³.

Автор намеренно подробно объясняет цель его работы, поскольку в те годы в полной мере еще не сложился такой вид сочинений, как научно-практические пособия, научно-практические комментарии, поэтому он заранее просит прощения за то, что позволил себе давать другим советы и делать предложения. К слову, и в России чуть ли не до середины XIX в. некоторые издатели отказывались печатать комментарии к уголовно-процессуальному законодательству, говоря: зачем они нужны, если в законе все написано? А если в них есть то, чего нет в законе, то они бесполезны¹⁴.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что еще 200 лет назад, задолго до традиционного мнения о появлении криминалистики, существовала точка зрения о необходимости создания единой науки, которая оказывала бы помощь профессиональным субъектам уголовного судопроизводства (следователям, судьям и защитникам)¹⁵.

Огромное значение для развития судебной химии имели исследования А. П. Нелюбина. Свой значительный опыт в этой области он обобщил в «Правилах для руководства судебного врача при исследовании отравлений» (опубликованы в Военно-медицинском журнале в 1824 г.).

Как отмечал известный советский ученый, основоположник судебной химии в СССР А. В. Степанов: «“Правила” А. П. Нелюбина в этом отношении имели большие преимущества перед книгой А. А. Иовского (1826) и особенно перед переводной книгой Ремера (1818). А. П. Нелюбин положил начало теоретическому обоснованию некоторых важнейших операций, производящихся при судебно-химическом исследовании. Обосновав необходимость разрушения органических веществ для открытия “металлических” ядов, Нелюбин предложил для разрушения нагревать объект с азотной кислотой. Это было опубликовано в 1824 г., а в 1839 г.

¹² *Ремер Вильгельм*. Полицейская и судебная химия. Ч. 1. С. 7.

¹³ Там же. Ч. 1. С. 9–10.

¹⁴ Подобные слова цензора приводит А. Ф. Кони относительно Практического руководства к русскому уголовному судопроизводству, написанного Н. И. Стояновским (см.: *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов). М., 1914. С. 95–96).

¹⁵ Подробнее о книге Вильгельма Ремера см.: *Горский М. В.* «Полицейская и судебная химия» Вильгельма Ремера : 200 лет спустя // Уголовное производство : процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь–Алушта, 26–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Симферополь, 2018. С. 24.

французский токсиколог Orfila вновь предложил метод разрушения органических веществ азотной кислотой»¹⁶. Как видно, российский ученый на 15 лет опередил западноевропейских исследователей.

Впоследствии А. П. Нелюбиным была опубликована книга «Общая и частная судебно-медицинская и медико-полицейская химия с присоединением общей и частной токсикологии или науки о ядах и противоядных средствах»¹⁷.

Большое значение в развитии судебной химии имели исследования ученика А. П. Нелюбина Ю. К. Траппа. За свою продолжительную жизнь профессор провел множество судебно-химических анализов не только для определения отравлений, но и по криминалистическому исследованию фальшивых подписей и подлогов документов; он исследовал чернильные пятна, обугленные ассигнации и много других исследований¹⁸.

Написанное Ю. К. Траппом в 1877 г. «Наставление к судебно-химическому исследованию» много лет было единственным руководством для воспитания русских фармацевтов.

В первой половине XIX в. в России появляются научные исследования по производству судебно-медицинских исследований трупов, вещественных доказательств, следов («подозрительных» и кровавых пятен), а также работы по применению специальных научных методов при производстве следственных действий.

Одним из первых отечественных учебников по судебной медицине является работа В. Л. Тиле «Опыт руководства к судебно-врачебной науке с соображением существующих по сему предмету российских узаконений и начальственных предписаний», изданная в 1826 г. в Москве.

Особый интерес представляют диссертационные исследования на степень доктора медицины А. М. Белокрылина «О судебно-медицинском осмотре, его природе и применении» (М., 1826) и Ф. А. Ган «О судебно-медицинском исследовании кровавых следов» (Харьков, 1866). Огромный вклад в развитие судебной медицины и токсикологии внесли работы Е. В. Пеликана («Опыт приложения современных физико-химических исследований к учению об ядах» (1854), «О затруднениях при исследовании кровавых пятен в уголовных случаях» (1855), «О мимолетных выстрелах» (в соавторстве с Савельевым (1856)), «Исследование о влиянии некоторых ядов на мышечную деятельность» (1859) и др.).

Значительный вклад в развитие естественно-научных методов исследования, имеющих значение для расследования преступлений, внесли ученые Императорского Юрьевского (Дерптского) университета¹⁹. Особо

¹⁶ Степанов А. В. Судебная химия (химико-токсикологический анализ) и определение профессиональных ядов. 4-е изд. М., 1951. С. 14.

¹⁷ См.: Нелюбин А. П. Общая и частная судебно-медицинская и медико-полицейская химия с присоединением общей и частной токсикологии или науки о ядах и противоядных средствах. СПб., 1851—1852.

¹⁸ См.: Степанов А. В. Судебная химия... С. 14.

¹⁹ Императорский Юрьевский (Дерптский) университет – один из старейших университетов царской России, был учрежден в 1802 г. императором Алексан-

следует выделить исследования в области судебной медицины и судебной химии. Преподавание судебной врачебной науки (или медицинской полиции, или государственного врачеведения) на медицинском факультете началось с момента основания самого университета. Вначале существовала общая кафедра анатомии, физиологии и судебной врачебной науки, а также кафедра, на которой читались учение о лекарствах и диететика. С самого основания существовал также анатомический театр.

В первые годы судебную врачебную науку в университете преподавали профессор Изенфлам Генрих Фридрих (с 20 марта 1803 г. по 1 августа 1810 г.), Цихориус Людвиг Эмиль (с 1811 по 20 сентября 1827 г.)²⁰. Профессор Стикс Мартин Эрнст сначала преподавал судебную медицину, затем фармакологию.

Неоценимый вклад для научных исследований, проводимых в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете, в области судебной медицины внес известный русский хирург Н. И. Пирогов. За время работы в Дерптском университете профессор Н. И. Пирогов провел множество исследований, в том числе имевших большое значение для развития судебной медицины. В 1838 г. была издана книга «Анналы хирургической клиники Дерптского университета» (в 2 т.), содержащая собрания его лекций, а также описания интересных случаев, наблюдавшихся в клинике за первые годы его профессорства. В первом томе данной работы Н. И. Пирогов приводит протоколы судебно-медицинских вскрытий, проведенных им лично²¹. Кроме того, за время пребывания профессора Н. И. Пирогова в Дерптском университете под его научным руководством было выполнено 14 докторских диссертаций (две из них были защищены уже после его перехода в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию), некоторые из них были посвящены судебно-медицинским исследованиям, например: «О ранах кишок», «Об ушибах и ранах головы» и др.

Особое значение имеют исследования Н. И. Пирогова по изучению огнестрельных повреждений, проведенных в ходе участия в боевых действиях на Кавказе и при обороне Севастополя. Так, в «Отчете о путешествии по Кавказу» Н. И. Пирогов дает первое в мире подробное описание признаков и свойств огнестрельных ран²², которые используются в криминалистике и в настоящее время²³.

дром I. В 1918 г. после оккупации Эстонии войсками кайзеровской Германии университет был эвакуирован в г. Воронеж и на его базе был открыт Воронежский государственный университет.

²⁰ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования / под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1903. Т. 2. С. 315–316.

²¹ См.: *Баринев Е. Х., Пашипян Г. А., Ромодановский П. О.* Роль Н. И. Пирогова в развитии судебной медицины в России // Проблемы экспертизы в медицине. М., 2009. № 33-1. С. 36.

²² См.: *Пирогов Н. И.* Отчет о путешествии по Кавказу. СПб., 1849. С. 194–221.

²³ Подробнее о научном вкладе профессора Н. И. Пирогова в становление и развитие судебной медицины см.: *Горский М. В.* Криминалистические исследова-

Особо следует отметить профессора фармации, заведующего кафедрой в Дерптском университете Г. Л. Драгендорфа (Dragendorff) (1836–1898), проработавшего в нем более 30 лет. Он впервые читал судебную химию как отдельный предмет. Его книга о судебно-химическом открытии ядов многократно переиздавалась. Кроме вопросов, относящихся к судебно-химическим исследованиям ядов, Г. Л. Драгендорф дает конкретные, можно сказать криминалистические, рекомендации лицам, доставляющим объекты для экспертного исследования: «...все предметы, назначенные для исследования, должны быть доставлены эксперту отдельно, заключенными в надлежащих стеклянных или фарфоровых сосудах (глиняные сосуды можно употреблять только тогда, когда мы убеждены, что покрывающая их глазурь не содержит никаких вредных веществ (свинца и т. д.)), за надлежащей печатью и подписью. Кишки и желудок для сохранения их содержимого должны быть перевязаны... Хлорная известь, хлорная вода, железный купорос, карболовая кислота и другие подобные сильнодействующие вещества, которыми иногда пользуются для уничтожения зловонных продуктов гниения, никогда не должны быть прибавляемы к объектам, назначенным для судебно-химического исследования»²⁴. В случае необходимости исследования на предмет отравления трупов, которые были погребены, Г. Л. Драгендорф отмечает, что с места погребения при эксгумации необходимо изъять пробы грунта и дает конкретные рекомендации.

С момента основания в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете проводился конкурс для обучающихся, на котором задавались темы исследований. Впоследствии победителям присуждались золотые и серебряные медали. Многие из них имели прямое или косвенное отношение к судебной медицине и судебной химии:

1824 г. – Лучший способ лечения проникающих ран и легких (И. Г. Фридерихс, золотая медаль; К. Дейч, серебряная медаль);

1832 г. – Как определить наркотическое средство? Как они действуют на живой организм? (Ю. Вульф, золотая медаль; Р. Еше, серебряная медаль);

1836 г. – Ближайшая и отдаленная причина смерти при замерзании (Ф. Клау, золотая медаль);

1838 г. – При каких обстоятельствах наступает трупное окоченение (К. Эрдман, серебряная медаль);

1885 г. – Экспериментальное исследование методов определения глицерина (Я. Краам, медаль Кресславского);

ния, проводимые в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете в XIX веке (на примере судебно-медицинских исследований профессора Н. И. Пирогова) // Следствие в России : три века в поисках концепции : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 12 октября 2017 г.) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М., 2017. С. 80–82.

²⁴ Драгендорф Г. Судебно-химическое открытие ядов в пищевых веществах, воздухе, остатках пищи, частях тела и т. д. СПб., 1875. С. 2.

1887 г. – Сравнение важнейших наркотических экстрактов российской фармакопеи с таковыми других фармакопей (Р. Кордес, Суворовская медаль);

1888 г. – Изменения в спинном мозгу при отравлении спорыньей (А. Глюнфельд, золотая медаль);

1890 г. – О спектроскопии для определения ядов в судебной химии (Ф. Браше, Суворовская медаль);

1893 г. – Представить критический обзор методов исследования и достигнутых при этом результатов относительно влияния лекарств и ядов на сосуды органов теплокровных животных (А. Палдрок, золотая медаль; С. Борман, золотая медаль);

1896 г. – Экспериментальные исследования памяти звуковых восприятий (Н. Гиршберг – Н. Климович, 2 золотые медали);

1897 г. – Макро и микроскопическое исследование окоченения сердца (Н. Корнилович, золотая медаль);

1901 г. – Самоубийство в Лифляндской губернии (И. Зубов – А. Салин, 2 золотые медали)²⁵.

Большинство работ произведено в лабораториях под руководством и при участии профессоров университета, давших тему.

2. Развитие новых отраслей естественно-судебных наук немислимо без уделения должного внимания совершенствованию научно-технической базы.

Так, научно-техническая база Императорского Юрьевского (Дерптского) университета расширялась и во многом опережала другие российские и европейские университеты, в чем несомненная заслуга попечителей и руководства университета. Например, в 1843 г. создается отдельная кафедра фармации, которую возглавил профессор Карл Зиллер. 30 декабря 1846 г. на кафедру фармакологии избирают профессора Рудольфа Бухгейма, который в 1847 г. на собственные средства организовал первую экспериментально-фармакологическую лабораторию. «Его плодотворная профессорская деятельность, учреждение им образцового по тому времени института и постоянное стремление выделить фармакологию в самостоятельную отдельную от терапии науку, поставить ее на путь экспериментальных исследований, сделали ему столь громкую известность, что иностранные университеты, как Бреславский, Боннский и Гессенский, старались привлечь его в свои ряды. Бухгейм был первый из ученых, поставивших фармакологию на прочные научные основания»²⁶.

Основным направлением научных исследований Р. Бухгейма, а также его ученика О. Шмидеберга (который считается основоположником экспериментальной фармакологии в Германии) было изучение фармакологических свойств наркотических веществ (морфий, датурин), снотворных (хлоралгидрат), мускарина и других алкалоидов. Именно О. Шмидеберг

²⁵ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования / под ред. Г. В. Левицкого. Т. 2. С. 10–15.

²⁶ Там же. С. 188.

впервые в эксперименте на животном доказал, что действие мускарина аналогично раздражению блуждающего нерва. Кроме того, было доказано, что стрихнин и вератрин являются сильнейшими ядами. Это открытие повлекло за собой не только изъятие из лечебного арсенала врачей чемерицы и рвотного камня, но и сыграло важную роль в становлении еще одной медицинской дисциплины – экспериментальной токсикологии²⁷. Сказанное говорит о необходимости появления уже в те годы такого направления экспертной деятельности, как экспертная профилактика.

Всего в Дерптском университете было более 20 различных кабинетов, лабораторий, музеев, институтов, а также астрономическая обсерватория.

Практически после основания университета было построено отдельное здание анатомического театра, в центре которого располагалась аудитория для производства практических занятий по вскрытию трупов в виде амфитеатра, рассчитанная на 165 человек. Впоследствии здание было перестроено, что позволило создать в 1888 г. судебно-медицинский институт, дополнительные музеи, лаборатории. После создания института увеличилось число диссертаций в области судебной медицины, а также количество занятий по судебной медицине и судебной химии (были введены отдельные лабораторные занятия по исследованию крови, волос, подозрительных пятен, по исследованию отравлений и др.). После того как в 1895 г. судебно-медицинский институт возглавил профессор А. С. Игнатовский, произошло его техническое усовершенствование: расширена площадь института, устроена фотографическая комната, химическая лаборатория, увеличено количество микроскопов, приобретены спектроскопы и микротомы, в несколько раз увеличен музей судебно-медицинских препаратов, а также штат сотрудников²⁸.

В 1843 г. при Дерптском университете был создан Фармацевтический институт. Заслуга в создании института, в котором получила образование большая часть фармацевтов России, принадлежит профессору химии и фармации Карлу Гэбелю. В научном плане его интересовали вопросы техники, в частности приготовление взрывчатого вещества пироксилина, с которым в 1847 г. в присутствии самого Гэбеля были произведены опыты стрельбы в Санкт-Петербурге²⁹. Фармацевтический институт первоначально помещался в частном доме, а в 1870 г. был переведен в «старое здание университета». На нижнем этаже была устроена оснащенная специальными приспособлениями и техникой лаборатория для более грубых химических работ и аудитория на 60 слушателей. На втором этаже помещалась лаборатория для занятий аналитической химией на 40

---

²⁷ См.: *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Практическая медицина и ее реформирование в XVII–XIX веках. Сообщение 1 : Классификационная медицина. Возникновение клинической идеи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 1. С. 52.

²⁸ См.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования* / под ред. Г. В. Левицкого. Т. 2. С. 215.

²⁹ См.: Там же. Т. 1. С. 244–245.

практикантов и 5 рабочих мест для научных занятий, кабинет директора и др. На следующем этаже – большая рабочая комната для микроскопических и спектроскопических работ, газового анализа и др. Лаборатория для работ с сильнопахнущими веществами, ледник и прочее помещались в отдельном здании. В 1884 г. к помещению института была еще добавлена большая рабочая комната, устроено надлежащее помещение для точных весов, расширена аудитория, а также увеличено количество научных приборов, химических и лекарственных веществ и т.п.³⁰

3. Следует отметить, что судебная медицина в Дерптском университете ранее, чем во многих других университетах России, преподавалась также и для студентов юридического факультета, лекции для которых (под названием *Philosophisch-medicinische Jurisprudenz*) с момента основания университета читал профессор кафедры специальной патологии и клиники Балк Даниил Георг. В 1803 г. им была издана работа «*Versuch einiger Umrissse der Philosophisch-medizinischen Jurisprudenz*» (*Alc Leitfaden zu Vorlesungen uber dieselbe. Dorpat. 1803. XII. u. 230 S.*). Это обстоятельство свидетельствует о том, что уже в те годы понимали важность преподавания специальных знаний естественных наук для будущих следователей и других юристов-практиков. Если европейская система образования пошла по пути подготовки криминалистов в системе самостоятельных учебных заведений (институтов полицейских наук, полицейских академий и т. д.), что во многих странах сохранилось и по сей день, то в России с дореволюционного периода по настоящее время преобладает позиция о подготовке главных «потребителей» криминалистики (следователей, судей, адвокатов, экспертов и др.) преимущественно в рамках классических университетов³¹. Поэтому время возникновения криминалистики нужно считать не от момента появления специальных дипломов «полицейских наук» в начале XX в. в отдельных странах Европы, а с того времени, как естественно-научные знания, необходимые для расследования преступлений, стали преподаваться студентам-юристам в классических университетах.

Если говорить о специализированных вузах, то следует отметить, что в России в 1835 г. было открыто Императорское училище правоведения – одно из наиболее престижных высших учебных заведений дореволюционной России. После окончания училища воспитанники обязаны были служить не менее шести лет по ведомству Министерства юстиции. Из юридических дисциплин изучались: энциклопедия правоведения, история правоведения, история философии права, римское право, церковное право и история вероисповеданий, торговое право, уголовное право, международное право, российское законоведение, *практическое судопроизводство, судебная медицина, полицейское право, политэкономия, законы*

---

³⁰ См.: *Зеленин Д.* Путеводитель и справочная книжка по Юрьеву (Дерпту) и Юрьевскому университету. Юрьев, 1904. С. 79.

³¹ Криминалистика в системе высшего образования в России всегда относилась к основным дисциплинам и преподавалась и преподается для всех юридических специализаций.

о финансах. На специальных курсах читались лекции по законодательству о крестьянах, по *токсикологии*, гигиене и др. Со временем программы общеобразовательных и юридических дисциплин изменялись.

Особенностью училища являлась практическая направленность процесса обучения. Для этого училище получало все указы Сената, решения гражданских и уголовных дел. Под руководством профессоров воспитанники разыгрывали судебные заседания с участием представителей обвинения и защиты. Воспитанникам старших курсов полагалось посещать тюрьмы. Занятия по судебной медицине предполагали не только лекции и семинары, но и посещение морга Мариинской больницы, присутствие при вскрытии³².

Судебную медицину и физиологию почти с самого основания училища до 1887 г. преподавал профессор А. П. Загорский – доктор медицины и хирургии, заслуженный профессор кафедры физиологии и патологии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, почетный член общества русских врачей в Санкт-Петербурге, тайный советник³³. Загорский пользовался большой популярностью среди обучающихся. По воспоминаниям одного из выпускников училища И. А. Тютчева: «...для громадного большинства своих слушателей он принадлежал к самым симпатичным, дорогим личностям. Мне он казался человеком редкой души, к которому трудно не привязаться, если удастся с ним свести знакомство. Помню его публичные лекции в зале медицинского совета о магнетизме, месмеризме и т. п. явлениях. О них ходили в то время самые разноречивые толки, и для натуралиста, который, по выражению Куторги, может знать только то, что видел его глаз или до чего коснулась его рука, они, может быть, и были неудовлетворительны, но я их слушал с величайшим удовольствием. Их слабые научные стороны выкупались изящностью и простотою изложения»³⁴. Как видно, что уже в те годы и ученых, и обучающихся интересовали различные нетрадиционные научные методы, используемые при расследовании преступлений. За время работы в училище А. П. Загорским были опубликованы лекции по судебной медицине³⁵.

Судебную медицину в училище правоведения преподавали также профессор И. Т. Спасский, который был постоянным домашним врачом А. С. Пушкина. В 1839 г. И. Т. Спасский опубликовал «Обозрение судебной медицины для руководства воспитанников училища правоведения», первое отечественное и неоднократно переизданное пособие для юристов на русском языке.

³² См.: Анненкова Э. А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1 (11). С. 218.

³³ А. П. Загорский после получения высшего образования был направлен с Н. И. Пироговым в профессорский институт в Дерпте, где в 1833 г. защитил докторскую диссертацию.

³⁴ Из воспоминаний И. А. Тютчева об училище правоведения и А. П. Загорском: В училище правоведения (1847–1852 гг.) : воспоминания И. А. Тютчева // Русская старина. 1885. № 11, 12. нояб., дек. ; 1886. № 2. Февр.

³⁵ См.: Загорский А. П. Курсы судебной медицины : лекции. СПб., 1874.

Кроме императорского училища правоведения в России существовал еще один специализированный вуз, занимавшийся подготовкой военных криминалистов – Военно-юридическая академия, которая была создана в 1868 г. на базе аудиторского училища, существовавшего в то время уже более 30 лет³⁶. Специфика данного учебного заведения заключалась в том, что в него поступали не молодые люди, как в большинство университетов, а офицеры, имеющие подготовку по военным наукам и опыт командования. Обучение проводилось в укороченные по сравнению с университетами сроки, за счет сокращения времени на преподавание общеправовых дисциплин. «Читалось только то, что безусловно было необходимо знать военному криминалисту, и только в тех пределах, насколько оно было ему практически необходимо. Иными словами, курс преследовал буквально свою непосредственную цель: в возможно меньший промежуток времени, с наивозможно меньшею затратой сил и материальных средств приготовить контингент для занятия должностей в военных судах»³⁷.

Все предметы подразделялись на общие и специальные. По специальным дисциплинам были предусмотрены практические занятия. Кроме того, правилами по учебной части были установлены «преподавательские беседы» и обязательные письменные работы. Особый уклон делался на практические занятия по военно-уголовному судопроизводству и по судебной медицине. Первые состояли в обязательном посещении заседаний уголовных судов и в рассмотрении процессов путем проведения учебных судебных заседаний (деловых игр). Вторые состояли в присутствии обучающихся, при участии преподавателя, на вскрытиях трупов.

Учреждение учебного заведения по подготовке юридически образованных офицеров было делом новым. Конференция академии на заседании 30 января 1876 г. о реформировании академии отмечала, что «Военно-юридическая академия должна быть учреждением не только учебным, но и ученым. Назначение ее как учреждения ученого ... должно состоять в том, чтобы вместе со всеми другими высшими юридическими заведениями государства способствовать распространению юридических познаний, научной обработке права и в особенности, чтобы способствовать созданию условий, необходимых для разработки наук военно-юридических»³⁸.

³⁶ Аудиторская школа в Санкт-Петербурге была учреждена в 1832 г., в 1846 г. преобразована в аудиторское училище. Военный аудитор – это одно из первых в России должностных лиц – профессиональных юристов, введенных Петром I, в обязанности которого входило наблюдение за соблюдением закона в военных судах, производство отдельных следственных действий, полномочия по поддержанию обвинения и др. Подробнее о военных аудиторах см., например: *Акишин М. О. У истоков юридической профессии в России : военные аудиторы Петра Великого // Ленингр. юрид. журнал. 2009. № 2. С. 117–131 ; Ляскович Т. Г., Локнов А. И. Создание школы военных законоведов-аудиторов как первый шаг на пути становления системы профессиональной подготовки юристов в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2017. № 3 (75). С. 27–30.*

³⁷ Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. : краткий исторический очерк / сост. В. Кузьмин-Караваев. СПб., 1891. С. 48.

³⁸ Там же. С. 55–56.

Подводя итог 25-летней деятельности академии, профессор В. Д. Кузьмин-Караваев в своем кратком историческом очерке отмечал, что деятельность академии в период ее становления не была плодотворной. Причинами того, по мнению автора, является то, что академия моложе всех других юридических заведений. А в момент создания академии военно-юридических наук не существовало вовсе, в том числе и на Западе³⁹. Поэтому то небольшое число научных исследований в области военно-юридических наук – есть первые шаги к созданию нового направления в науке.

В. Д. Кузьмин-Караваев отмечает, что за 25 лет Военно-юридическая академия подготовила 525 военных криминалистов, что обогатило профессиональными кадрами органы военной юстиции, но в то же время среди ее выпускников практически не было ученых-криминалистов. Связано это было именно с практической направленностью данного учебного заведения⁴⁰ и подтверждает высказанный нами ранее тезис о том, что ядром подготовки криминалистических кадров в дореволюционной России при тесной взаимосвязи с научными исследованиями были классические университеты.

Помимо преподавания естественно-научных дисциплин для юристов в некоторых высших учебных заведениях кроме чтения лекций стали проводить практические занятия, главным образом по уголовному и гражданскому процессу. Например, Ординарный профессор в Дерптском университете Вильгельм Снелль, получивший докторскую степень за работу *о применении психологии при допросе обвиняемого*, вел в 1819 г. занятия по уголовному праву и процессу.

С 20-х гг. XIX в. в Дерптском университете профессор Бреккер, будучи в прошлом практикующим юристом, избирает чтение лекций по предметам, стоявшим близко с практикой: уголовный процесс, практические занятия по составлению актов, судебное красноречие. Профессор Руммель обратил особое внимание на преподавание местного уголовного процесса и на изложение внесудебной юридической практики – области, которая до него была поставлена в преподавание значительно слабее. Профессор А. С. Жиряев, известный по книге «Теория улик»⁴¹, вел с 1846 по 1856 г. занятия по уголовному праву, судопроизводству, судоустройству, науки полиции.

Известный русский юрист, один из отцов Судебной реформы 1864 г. Н. И. Стояновский, с 1847 по 1854 г. преподавал курс практического уголовного судопроизводства в Императорском училище. На своих занятиях Н. И. Стояновский рассказывал, как преодолевать те сложности, с которыми сталкивался молодой выпускник в начале своей практической деятельности. На основе своих лекций Н. И. Стояновский в 1852 г. издал

³⁹ См.: Там же. С. 88–93.

⁴⁰ До 1878 г. по положению выпускники академии вообще не имели права становиться преподавателями.

⁴¹ См.: Теория улик : соч., напис. для получения степ. д-ра юрид. наук исполняющим должность орд. проф. в Имп. Дерпт. ун-те магистром уголов. права А. Жиряевым. Дерпт, 1855.

книгу «Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству» (в двух частях) – один из первых научно-практических комментариев к уголовно-процессуальному законодательству (по сути, содержащий тактико-криминалистические рекомендации). По мнению А. Ф. Кони, «книга Стояновского, отвечавшая, ввиду сказанного, насущной потребности, представляет стройное и тщательно систематизированное целое. В авторе виден не только опытный законовед, но и заботливый руководитель своих читателей на первых шагах их практической деятельности»⁴².

Удовлетворить потребность государства в специалистах, обладающих практическими навыками, позволила университетская реформа 1863 г. Общий устав Императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. в § 7 предусматривал специализацию учебных планов. Так, с 1863/64 учебного года юридический факультет Санкт-Петербургского университета был разделен на два отделения: административное и юридическое. С 1865/66 учебного года юридический факультет Казанского университета был разделен на отделения государственных и юридических наук. Государственное (административное) отделение готовило кадры для гражданской службы, а юридическое – для системы правосудия⁴³.

В ходе подготовки университетской реформы высказывались различные предложения о совершенствовании практической части подготовки юристов. В частности, предлагалось введение отдельной должности преподавателя для ведения «юридической практики»⁴⁴. Совет Московского университета выступил за отделение от уголовного права не только полицейского права, но также уголовного устройства и судопроизводства в самостоятельную кафедру. Совет Ришельевского лицея в Одессе высказал аналогичное мнение, заметив, что уголовный процесс и практические занятия требуют отдельной кафедры. В итоге во втором варианте нового университетского устава была предусмотрена кафедра уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства⁴⁵.

Члены Ученого комитета по разработке нового университетского устава отмечали важность преподавания для юристов предмета «судебная медицина и медицинская полиция». Излагая в своем докладе мнение Ученого комитета об этой науке, Ф. Н. Панов отмечал: «Знание судебной медицины оказывается необходимым для юриста при производстве уголовных следствий: потому что в этих случаях законом возлагается на следователя-юриста обязанность предлагать вопросы врачу, находящемуся при следствии, относительно предмета этого следствия. Чтобы эти

---

⁴² Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов). М., 1914. С. 97.

⁴³ См.: Гинзбург Ю. В., Ильина Т. Н. Специализация юридического образования в российских университетах в XIX веке // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 284–285.

⁴⁴ См.: Томсинов В. А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // Университетская реформа 1863 года в России / сост. и автор вступ. ст. В. А. Томсинов. М., 2012. С. LXXXV.

⁴⁵ См.: Там же. С. XCII–XCIII.

вопросы были правильны, они должны быть предлагаемы лицом, знающим судебную медицину. Сверх того, знанием судебной медицины следователю-юристу доставляется возможность в достаточной степени контролировать правильность ответов врача на те вопросы, которые первый предлагает сему последнему относительно предмета следствия»⁴⁶. Следует отметить, что в настоящее время проблемы назначения судебных экспертиз, постановки вопросов экспертам, правила оценки заключения экспертов входят в предмет криминалистики.

Изложенное подтверждает, что в России уже с начала XIX в. имелась научно-техническая база для производства исследований в области судебных наук, а также для подготовки специалистов не только в области естественных наук, но и для подготовки юристов-практиков.

Конечно, в XIX в. в России было написано множество научных работ, которые в настоящее время относятся к такому разделу криминалистики, как криминалистическая тактика (например, практические комментарии к уголовно-процессуальному законодательству, самостоятельные работы, содержащие рекомендации о производстве таких следственных действий, как осмотр, обыск, выемка почтовых отправок, допрос, очная ставка, предъявление свидетелям личности подозреваемого и вещей, приобщенных к следствию и др.; теория доказательств, пределы доказывания, правила собирания и хранения вещественных доказательств, вопросы судебной экспертизы и др.)⁴⁷, но анализ данных вопросов требует самостоятельного научного исследования.

---

⁴⁶ Томсинов В. А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года. С. XCV–XCVI.

⁴⁷ См., например: Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведений следствий. М., 1833 ; Осмотр и обыски, производимые полицией // Голос. 1867. № 205 ; Повальный обыск по делам уголовным. Т.И.Ш. // Отечественные записки. 1859. Т. 126. С. 379–390 ; Об исполнении в формальном следствии очной ставки // Одесский вестник. 1859. № 135 ; О доказательствах преступлений // Сынъ Отечества. 1824. Ч. 91. С. 291–316 ; Где должны сохраняться вещественные доказательства // Судебный вестник. 1869. № 201 ; и др.

Воронежский государственный университет

Горский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
E-mail: law-max-vsu@mail.ru
Тел.: 8 (473) 2208-514

Voronezh State University

Gorsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department
E-mail: law-max-vsu@mail.ru
Tel.: 8 (473) 2208-51